Цинь Мянь, пожалуй, был самым любимым бойцом службы безопасности TAS: после победы он никогда не забирался на сетку восьмиугольника. Другие бойцы чуть что — сразу прыгали на ограждение и, усевшись наверху, словно какие-нибудь гориллы, колотили себя в грудь, приветствуя зрителей. Охране же приходилось каждый раз оттаскивать их за шорты, причем тянуть изо всех сил они не смели, опасаясь случайно стянуть с победителя одежду прямо в прямом эфире.

Как только ведущий объявил результат матча, он перешел к интервью с Цинь Мянем. Тот произнес стандартные слова благодарности в адрес своей команды и организации TAS.

Кадр охватывал лишь верхнюю половину тел Цинь Мяня и ведущего, а Хэ Линьнань тем временем сгорал от нетерпения, отчаянно желая узнать, что же сейчас с разорванными ногами бойца.

Едва интервью закончилось, Цинь Мянь вышел из клетки через дверцу, нагнулся, чтобы обнять президента TAS, стоявшего у ринга, а затем и известного филантропа рядом с ним, но демонстративно обошел стороной седого старика с азиатской внешностью, продолжив обниматься с какими-то людьми, в которых Хэ Линьнань так и не смог признать никого знакомого.

Хэ Линьнань выскользнул наружу и отправился к заранее оговоренному заднему входу спортивного комплекса, чтобы дождаться Кэлу. Тот должен был провести его на парковку, откуда они вместе могли вернуться на машине.

По дороге Хэ Линьнань не удержался и спросил:

— Кто тот старик, которого Цинь Мянь не стал обнимать?

— Высокопоставленный чиновник, из Вайгу, — ответил Кэла.

Хэ Линьнань приподнял бровь.

— Уж сколько раз он к Мянь-гэ подкатывал, звал гражданство Вайгу принять, — пояснил Кэла. — Когда Мянь-гэ в нелегалах ходил, они делали вид, что в упор его не замечают, а как он поднялся — так сразу прибежали лизать задницу.

Хэ Линьнань прекрасно понимал, почему Цинь Мянь не оказал этому человеку ни малейшего уважения. Цицигэ ведь тоже была нелегалом. На рейсе, летевшем на родину, из-за её нелегального статуса и неполного комплекта больничных документов прах Цицигэ не смог вернуться в страну вместе с братом — она пробыла в хранилище праха в стране Вайгу целых шесть одиноких лет.

Добравшись до парковки и прождав минут десять, они увидели, как команда Леонида и Цинь Мянь вышли друг за другом.

Цинь Мянь быстрым шагом нагнал Леонида. Из-за ускорения он заметно прихрамывал. Шагнув прямо перед Леонидом, он заговорил на его родном русском языке:

— Спасибо, что согласились на этот бой.

В детстве Цинь Мянь продавал цветы в туристических местах страны Вайгу, где бывали путешественники со всего мира, поэтому он сносно говорил на самых разных языках.

— Спасибо хреново, — ответил Леонид на удивительно чистом китайском, разве что с легким местным акцентом. — У тебя стойка корявая, как у уличного хулигана. И с таким уровнем ты еще хочешь титульный бой?! Твои сильные стороны похожи на стиль Цзи То. Он десять лет оттачивал свою технику, чтобы выйти на нынешний уровень, тебе его не победить.

Цинь Мянь улыбнулся:

— Цзи То раньше тренировался в вашем клубе. Когда у вас будет время, не могли бы вы стать моим тренером по подготовке к бою?

Леонид вытаращил глаза:

— Ты же знаешь, что он раньше занимался у меня, и все равно просишь меня тренировать тебя?

Цинь Мянь сохранял вежливую улыбку.

Окинув Цинь Мяня взглядом, в котором читалось явное «ты совсем больной?», Леонид быстрым шагом направился к своей машине, но у самой дверцы вдруг резко развернулся и снова подлетел к нему:

— С травмой ноги — и лезть на ринг?! Разве ты не знаешь, как сильно я это ненашу? Тело спортсмена — это его главный капитал!

— Благодарю за наставление, — Цинь Мянь указал рукой на дверь машины Леонида. — Я обязательно найду возможность навестить вас.

— Только не приезжай, — бросил Леонид, уже усаживаясь в салон. — Спасибо тебе, но не приезжай.

Устроившись в машине, Ни Синьсинь помогла Цинь Мяню сменить повязку.

Раны Цинь Мяня казались затянувшимися лишь снаружи, а теперь они окончательно разошлись, и ему снова пришлось ехать в больницу на повторное зашивание.

Семиместный микроавтобус сразу же направился в ближайшую больницу.

Прибыв на место, Цинь Мянь вышел из машины и, обернувшись к Хэ Линьнаню, сказал:

— Посиди в машине.

— Мне в больницу нельзя, у меня вид крови вызывает обморок, — бормотал Хэ Линьнань, тем не менее послушно выходя вслед за ним.

Цинь Мянь замер на месте. Хэ Линьнаню, который уже успел обогнать его, пришлось возвращаться:

— Если я просто не буду смотреть туда, где кровь, всё будет в порядке, не обращай на меня внимания.

Больница в Синьти оказалась крайне недружелюбным местом: не успел Цинь Мянь войти в кабинет, как врачи и медсестры обступили его прямо в коридоре с просьбами об автографах, причем кто-то требовал сразу несколько штук. К счастью, рана на ноге кровоточила не слишком сильно, иначе, пока он расписывался, Цинь Мянь успел бы отдать концы.

Чтобы случайно не наткнуться взглядом на кровь, Хэ Линьнань старался держать голову закинутой и смотреть исключительно на потолок. Добрый Кэла поддержал его под руку. Всю дорогу оборачивавшиеся на них люди, должно быть, думали, что у бедняги серьезно повреждена шея.

Добравшись наконец до кабинета, Цинь Мянь сел в кресло, и врач приступил к обработке и зашиванию раны на его голени.

Пытаясь отвлечь Цинь Мяня, Кэла завел разговор:

— Мянь-гэ, Леонид человек резкий, ты не принимай близко к сердцу. Он в свое время столько защит титула провел, а сейчас физическая форма уже не та, что в молодости. Возраст подходит к завершению карьеры, смириться с этим тяжело — как-никак, в свое время его признавали богом этой весовой категории…

За окном простиралась череда холмов, и из долины донеслось два крика местных птиц, удивительно похожих на фальшивящее кукование кукушки.

Глядя в окно, Цинь Мянь тихо произнес:

— Я всего лишь человек, поднимающийся на гору.

Хэ Линьнань в этот момент как раз засмотрелся в окно под птичьи трели, а тихий голос Цинь Мяня почти не нарушил его задумчивость. В этой расслабленной и безопасной обстановке в его голове сами собой, по наитию, всплыли слова:

— В моих глазах ты тоже бог.

В ту секунду Хэ Линьнань еще не осознавал, что произнес это вслух, и продолжал беззаботно и праздно любоваться зеленеющими за окном горами — ровно до тех пор, пока не заметил, что Цинь Мянь, только что смотревший на пейзаж, теперь в упор разглядывает его с крайним изумлением на лице.

К нему постепенно возвращалось осознание реальности. Сглотнув слюну, Хэ Линьнань отвел взгляд. И в самый разгар этого неловкого напряжения Кэла вдруг издал истошный вопль лугового собачника:

— А-а!

— Да что с тобой такое! — прикрикнул на него Хэ Линьнань. — Врач же швы накладывает!

— Всё в порядке, — вмешался Цинь Мянь. — Уже зашил.

Кэла поскреб затылок:

— Да я просто ошарашен… С чего это ты вдруг такие сопливые вещи выдал… К чему ты подлизываешься к Мянь-гэ? Неужели занять денег хочешь?

Хэ Линьнань: «…»

Час ночи.

Цинь Мянь лежал на спине, раскинув руки вдоль туловища ладонями вверх, замедляя дыхание и расслабляя мышцы вокруг глаз.

Вдох…

Задержать…

Выдох…

Гречневая шелуха в подушке шуршала у самого уха, и с каждым вечерним ритуалом отхода ко сну сонливость капля за каплей превращалась в полноводный ручей.

В моих глазах ты тоже бог.

Кран словно резко перекрыли, и поток мыслей оборвался.

Тело, еще мгновение назад бывшее полностью расслабленным, вновь обрело тонус. Он повернулся на бок и натянул одеяло прямо на голову.

Потомившись так некоторое время, Цинь Мянь распахнул глаза, сел на кровати и увидел Хуахуа: стоя на задних лапах, питомец с явным беспокойством заглядывал на кровать, оценивая его состояние.

Лунный свет пробился сквозь щель между занавесками, проведя призрачную линию по голове Хуахуа.

Откинув одеяло, Цинь Мянь встал с постели, присел на корточки перед кошкой и взял ее за передние лапы.

Нога, принявшая на себя удар лоу-кика, вновь заныла тупой болью. Отпустив питомца, он кое-как, прихрамывая, вернулся к кровати и снова лег.

И всё же на душе было радостно, хотелось улыбаться.

Он поднял руку и закрыл лицо ладонью.

Глава 14. Погодите, да как это у вас так быстро встал?

В течение полумесяца, пока Цинь Мянь сгонял вес, он почти не ел жирной пищи, и в первый же вечер после боя Ни Синьсинь решила побаловать команду, уговорив всех на жареное мясо.

Цинь Мяню из-за травмы пить было нельзя.

Хэ Линьнань, хотя в прошлый раз во время пьянки и завел речь о Цицигэ, теперь рассудил, что раз самые запретные темы уже были озвучены, переживать больше не о чем, и потому без всяких смущений навернул полкило синьтийского фруктового вина.

Находясь на грани между полным отключением сознания и смутными проблесками разума — когда рассудок мигал, словно неисправная лампочка в фильмах ужасов, — Хэ Линьнань подпер голову рукой и замер в кресле, заметив, как к нему приближается расплывчатое лицо Кэлы.

— Пошли, — сказал Кэла. — Я помогу тебе добраться до комнаты и лечь спать.

Хэ Линьнань глуповато хихикнул и протянул руку к Кэле, собираясь опереться на него, но из-за плохой координации движений вместо этого оттолкнул парня.

— Давай я, — раздался другой голос.

Обладатель этого голоса поддержал его под руку и помог подняться. В затуманенном алкоголем мозгу Хэ Линьнаня крутились шестеренки, но этот голос, так часто звучавший в его

галлюцинациях, сейчас упорно отказывался обретать реального владельца.

Из-за опьянения он ощущал невыносимый жар: каждый выдох, проходя через горло и трахею, обжигал так, словно внутри него прятался раскаленный шар.

Все пьяные делятся на две категории: те, кто вырубается прямо за столом, и те, кто начинает буянить и размахивать руками.

Цинь Мянь считал, что Хэ Линьнань относится ко второй категории — причем с самой широкой и размашистой амплитудой движений.

Несколько раз тот едва не заехал ему по глазу.

Проявив немалое терпение, Цинь Мянь довел Хэ Линьнаня по лестнице на второй этаж, дошел до комнаты и остановился посредине между двумя кроватями:

— На какой ты спишь?

Хэ Линьнань покачал головой — степень его опьянения была такова, что китайский язык он уже не воспринимал.

У изножья левой кровати одиноко стоял рюкзак, напоминавший проштрафившегося ученика в углу. Узнав знакомую вещь, Цинь Мянь потянул Хэ Линьнаня в ту сторону.

Опасаясь выпустить его из рук и уронить на пол, он после секундного колебания воровато протянул руку, поддержал Хэ Линьнаня за поясницу и аккуратно уложил на матрас.

Едва коснувшись постели, Хэ Линьнань плашмя раскинулся на ней, словно блин на сковородке, а спустя мгновение внезапно распахнул глаза.

Опьяненный взгляд медленно сфокусировался на лице Цинь Мяня, и он принялся упорно и пристально разглядывать его.

От этого взгляда Цинь Мянь почувствовал странное, необъяснимое жжение и, опустив глаза, уставился на бахрому по краю простыни.

Какая еще бахрома?

Хуахуа, стоя на задних лапах и опершись о край кровати, вновь запустила когти в свисающую вниз простыню, и ногти с характерным звуком вытянули наружу новую нитку.

Наклонившись, Цинь Мянь ткнул кошку пальцем в макушку:

— Не драть.

Раньше Хуахуа никогда не поднималась на второй этаж, потому что туда не заходил Цинь Мянь и там не было привычных для нее запахов. Пережив в прошлом жестокое обращение, кошка выросла пугливой, а незнакомая территория вполне могла таить в себе угрозу.

С кровати донесся шорох. Цинь Мянь поднял голову и замер, а его губы слегка приоткрылись от изумления — Хэ Линьнань стягивал с себя рубашку.

Впрочем… в этом не было ничего особенного. В Синьти стояла такая жара, что спать без одежды вполне естественно. Неужели Кэла говорил правду, и Хэ Линьнань всегда спал вот так голышом?

Единого мига хватило, чтобы в голове мелькнул этот дурацкий вопрос, а Хэ Линьнань тем временем принялся расстегивать пуговицу на джинсах.

Медная пуговица под старику была потерта до серебристого блеска, и лишь в самом центре оставался небольшой темный налет.

Не дожидаясь, пока Хэ Линьнань разденется до конца, Цинь Мянь резким движением поднялся на ноги, направился к двери и запер ее на замок.

Закончив поворачивать ключ, он еще какое-то время неподвижно стоял лицом к деревянному полотну, размышляя, какого черта он вообще запер эту дверь.

http://bllate.org/book/34412/4242637